

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Графиня Справедливая

В Европе хорошо,
в России лучше

Галина
ГОНЧАРОВА

Галина Дмитриевна Гончарова
Графиня Справедливая
Серия «Ветер времени», книга 2
Серия «Попасть в историю.
Фантастический переплет»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74332946
ISBN 978-5-04-252238-3

Аннотация

Очутилась в восемнадцатом веке – пользуйся. Тем более что знания и опыт у тебя никто не отнимет, а на дворе – Великая французская революция. Время сколачивать состояния, предсказывать судьбы и грабить банки!

На родину пока возвращаться рано, там муженек, генерал Суворов, громит турка при содействии Наполеона Бонапарта, а вот во Франции можно много еще чего сделать. И с историческими личностями пообщаться (пока их еще не убили), и внести новое слово в революционную моду, и заработать. Главное, вовремя сбежать, оставив по себе светлую память. Или не очень светлую, но яркую – особенно у Робеспьера.

А при чем тут королевская семья? Совершенно ни при чем, просто ударили вместе, по одной дороге. Теперь придется о них заботиться. Ну да ничего, в России-матушке и не такое видали.

С этой книгой вы сможете:

1. Побывать в шальном и безумном восемнадцатом веке, поучаствовать во Французской революции и вовремя удрать.

2. Предсказать будущее Талейрану, обеспечить Наполеона новыми идеями и спасти французского короля. Почти...

3. Завоевать Константинополь и потанцевать на балу у Екатерины Второй.

4. Создать новое тайное общество с красивым названием «Белая стрела» и найти ему применение.

5. Заработать много денег и побороться за сохранение семьи генерала Суворова.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Галина Гончарова

Графиня Справедливая

Иллюстрация И. Кругловой

© Гончарова Г. Д., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Русская рулетка, патрон, барабан.
Крутится-вертится – и ты атаман.
Крутится-вертится – и ты уже труп.
Выбирай, приятель, так ли ты крут?*

Глава 1

1789 год

«Радость моя, Суворочка, целую тебя!

У нас покамест тихо, я сейчас в Кинбурне и здесь пребуду. Чует душа, как весна придет, так и турок вернется. Опамятует за зиму, негодяй, да и решит, что мало мы его гоняли.

Придется мне здесь зимовать, а уж как разобьем негодяя, так сразу же я домой! Верю, что будем мы жить вместе, буду я на детишек твоих радоваться и о походах им рассказывать. А пока даже и вырваться не могу.

Прости душа моя.

Учись прилежно и матушку Софью Ивановну не огорчай.

Господь с тобою».

«Батюшка, Александр Васильевич!

Как Ваши дела? Как здоровье Ваше?

Мы недавно справляли Рождество, ходили в церковь, к заутрене, молились. Я о Вас Господа просила, чтобы сохранил и помог вернуться.

Мадемуазель Мари тоже, мне кажется, за Вас молилась.

Мы с ней часто о Вас разговариваем, вот бы мне такую матушку, как она! Она уже совсем-совсем как русская и православие приняла!

Батюшка, прошу, пишите мне чаще, я так хочу знать о Вас! И буду молиться за Вас!

Любящая Ваша дочь.

Наташа!»

Мадемуазель Мари перечитала оба письма, поморщилась.

Ее бы воля, она бы давно плюнула, отписала бы Суворову, что чадушко его от какой-то хвори померло, да и ладно! И пропади он пропадом, как в России говорят!

Только вот...

Словно проклятие какое!

В любовницы-то ее много кто звал, а замуж – нет. Ангелика ее знакомить пыталась, Софья Ивановна жениха для дочери искала – и все не так! Все не получается!

А в полюбовницы не хотела уже сама Мари. Не так.

И хотела бы, но потом выгодно замуж точно не выйдешь. Это кажется: не узнают! Ан нет, на самом-то деле не успеешь глазом моргнуть, один второму скажет, третий четвертому, так и пойдет сплетня. От человека к человеку, а ей так нельзя... она ж бесприданница!

Странно так...

Гулять можно, а показывать это нельзя.

Выход Мари нашла и несколько раз в месяц ходила в бордель. Да-да, есть в столице и такие. Дорогие, элитные и

предоставляющие самые разные услуги. И частенько бывают там знатные дамы, которым дома сладенького не достается или себе нервы пощекотать хочется. Мари нравилось туда приходить, надевать маску и становиться на пару часов просто одной из «девочек».

Кто ее тут знает?

Никто!

Тело получало свое. А вот для души...

Если война закончится хорошо, Мари может стать генеральшей Суворовой. А что? Ей пойдет!

И огромным плюсом идут деньги. Много денег!

Она корыстна? Пусть так, называйте как пожелаете, но жить в нищете Мари не хотела!

Деньги, много денег, еще больше денег!

Так что...

Потерпим до конца войны! Но если ты потом на мне не женишься... отравлю! Ей-ей, отравлю!

И мадемуазель обмакнула перо в чернила.

«Любезный друг мой, Александр Васильевич!

С Рождеством Вас!

Да сохранит Вас Бог!

Я знаю, страна сейчас ведет тяжелую и многотрудную войну! И буду молиться, чтобы Вы победили, чтобы как можно скорее пришла Победа, чтобы были повержены враги и остались живы друзья!

Прошу Вас, пишите Наташе чаще, девочка хоть и довольна своей жизнью, но ей так не хватает

отцовского внимания! Никто не сможет заменить ей тепло родных и близких, Наташа – очень нежная девочка.

А я буду каждый раз радоваться, получая от Вас весточку. И за Наташу порадуюсь!

Да благословит Вас Бог!

А я буду молиться за Вас ежедневно и ежечасно, и пусть Он услышит мои молитвы!

М-ль Мари».

*** * ***

Роджер Уэбб пил.

Яростно и методично, как могут только англичане.

Заливал в себя виски, лакировал джином и ромом, накачивался на ночь и повторял с утра пораньше.

А что еще может делать благородный человек на этом идиотском корабле? Только пить!

И раз за разом перечитывать драгоценное письмо, которое хранилось у сердца.

«Дорогой Роджер!

Простите, что не сказала Вам этого лично.

Не успела. И слишком много было вокруг посторонних ушей. Особенно тех, которым я не склонна доверять.

Прошу Вас отправиться в Америку, помочь там нашим друзьям начать дело, а потом – по Вашему

желанию. Я постараюсь приехать в ближайшее время, если чуточку задержусь – не волнуйтесь. Где меня найти – Вы знаете. Возвращайтесь.

Я Вас буду ждать.

Леди Барбара».

Варя долго думала, что написать.

Положа руку на сердце... ей этот Роджер нужен? Как специалист по фальшивым бумагам – безусловно. Но такого специалиста можно и поближе найти. И подешевле встанет.

И не так опасно, и о ее делах знать уже не будут, и лишнего не расскажут. По-хорошему, Роджера бы под лед спустить. Но Варя не могла так поступить. В восемнадцатом веке это не вызвало бы ни вопроса, ни заминки.

Убили?

Тело в воду – и забыть. Много их там плавают.

Варя не могла приговорить человека.

Ругала себя за мягкотелость, шипела, но... и язык не поворачивался. Случайное убийство, как с послем, – одно. Это просто случилось, никто ж дурного не хотел! Целенаправленное, по ее приказу, это немножко другое, правильно? Вот так хладнокровно, рассудочно, безжалостно... нет!

Не могла.

Сама бы не убила, и приказать никак.

Второе соображение было, кстати, не менее веским.

А КОМУ она прикажет?

Что потом о ней подумают ее люди? Что от них могут

избавиться так же безжалостно? Когда они перестанут быть необходимыми?

А могут.

Объясняй не объясняй, что это – англичанин, то есть природный враг, что вреда от него может быть много, что дешевле убить сейчас, чем плакать потом.

Нет. Все равно не получится.

Приличные люди и в Англии водятся, а проблемы... они еще могут и не наступить. Потому Варя поступила иначе.

Отправила всю компанию «прохвостов» в Америку, написала лично Роджеру и заодно оплатила капитану небольшую дополнительную услугу. Чтобы наливали англичанину, вот этому, конкретному, каждый день, и побольше, побольше...

Капитан и спорить не стал. Клиент всегда прав, пока платит. Желает леди, чтобы наливали? Будем!

Одному или всем? Ах, всем, кто пожелает, а этому в особенности? Как прикажете.

Расчет оказался верным.

Роджер запил. Крепился он целых два или даже два с половиной дня, а потом хлопнул стаканчик, залакировал вторым, и жизнь стала уже не столь яростно безнадежной. Его примеру последовали Джеймс и Аллен, Пол и Брайан... да что там!

На халяву пьют все. И англичане в этом ничем не отличаются от прочих национальностей.

Наверное, не пили только трое. Брайан Хьюстон, Дональд

Картер и Том Холт.

Том – по уважительной причине. Он возился с собаками, к которым прикипел всей душой. И думал про себя, что пропади она пропадом, та затея.

Вот приедут они в Америку, возьмет он свои деньги да и займется делом.

Найдет пару сучек, откроет питомник и будет собак разводить. Вот эту породу!

Найдутся покупатели! Если правильно это дело представить, еще как пойдут люди! Косяком! Только вот если они будут вот это все с Аляской устраивать... надо будет посмотреть. Но собаки-то – золото!

Так что переедет Том куда поближе к Аляске и примется за дело.

И не надо ему ничего больше, кусок земли, собаки, может, женится, дети пойдут. А что?

Деньги есть, все решается.

Но так думал только Том.

Остальные собирались и вправду попробовать все проверить без Вари. Брайан Хьюстон сидел над бумагами и документами, прикидывал, думал, сравнивал...

Выходило так, что шансы есть.

Леди Барбара ничего не скрыла, не утаила, денег тоже хватит на первый этап, конечно, им придется вкладываться, но тут уж все справедливо. Раньше вкладывалась только она, потому и распределение долей было таким... чуточку непра-

вильным.

А вот если делить по-честному, то это поровну на всех. Теперь и так уже можно, основную работу ведь они проделают, а леди Барбара приедет на готовое.

Не приедет?

Глупости! Обязательно приедет! Ни один здравомыслящий человек от ТАКИХ денег не откажется. Брайан не смог бы! Да что там!

Он бы им и десять процентов не стал выплачивать на месте леди Барбары, а она выплатила, даже чуточку побольше получилось.

И это вернее всего говорило о ее честности. Или глупости?

Брайан не знал. Не мог пока определиться.

Дура такое не придумает. Но можно ли назвать умной женщину, которая могла получить все, но вместо этого поделилась с сообщниками?

Хотя бабы...

Можно ли их вообще назвать умными? Вечно у них то истерики, то чувства, то еще какие глупости... ладно! Умная, но не совсем. Не до конца.

Так что у Брайана будет возможность обернуть все к своей личной выгоде. Просто – не сразу. А пока – планируем и тщательно расписываем этапы.

Что публиковать, где, когда...

Дональд тоже не пил.

Профессия у него такая, поневоле трезвенником быть приходится.

Так вот хлопнешь рюмочку, потом вторую да и выложишь очередной страшилине, что ты о ней думаешь. А она обидится и денег не даст.

Или так вот примешь для храбрости, а организм и подведет в решительный момент! Скажет хозяину – это без меня, мне страшно – и грустно капитулирует.

Запросто!

О леди Барбаре он тоже думал, кстати говоря.

Выходило так, что надо в порту договариваться с капитаном судна, разворачиваться и плыть обратно. Если он хочет ее найти. В силу профессии в женщинах Дональд разбирался лучше, чем Брайан, и понимал, не для всех деньги – смысл жизни. Для Барбары – точно нет.

Ей приятно быть богатой, ей это нравится, но... не более того. А чтобы сидеть на деньгах, копить их, пресмыкаться пред золотым тельцом...

Деньги для нее только средство. Способ обеспечить себе комфорт и уют. Безопасность и независимость. Поэтому она к ним и относится легко.

Потому и поделилась честно, как обещала.

И потому... она – не приедет.

Дональд это понимал со всей отчетливостью.

Он еще раз перечитал ее письмо, вспомнил все разговоры...

Митчелл оказался быстрее и умнее. Но Митчелл видел, с каким лицом Варя наклонялась над трупом, он видел ее в момент кризиса, без маски. Дональду этого не досталось.

Она не вернется.

И вот тут Дональд оказался на распутье.

Хотелось денег.

И хотелось ЭТУ женщину.

Именно эту, не другую, а вот леди Барбару. Умную, красивую, загадочную...

И все отчетливее он понимал, что и то и другое сразу – не получится.

Если он сейчас берет деньги и возвращается, то... примет ли его леди? Или нет? Может и выгнать. Так-то она энтузиазма не проявляла. Была, была у нее возможность и поговорить с ним, и предупредить, и словечко шепнуть, мол, остаюсь я, ты со мной. Остался бы он?

Остался!

С ТАКОЙ женщиной и с такими деньгами да грех не остаться. Но леди Барбара не предложила. Она в нем ТАК не заинтересована. Как это ни печально, по-настоящему он ее не зацепил.

Но Митчелл-то остался? Сам догадался или ему предло-

жили? Остался он во Франции – или с леди?

Нет ответа.

Значит, надо задавать другие вопросы.

Как можно найти леди Барбару на Севере? Если имя... да, возможно, оно и настоящее, но мир-то большой! Русская? Или полячка? Или откуда-то оттуда?

Вполне возможно. Откуда угодно, и Российская империя – она большая. Громадная.

Искать леди там можно долго, безумно долго. Даже если он сейчас вернется во Францию, это не гарантия их встречи. Париж?

Так он тоже большой... поди найди!

Тут он точно все потеряет. Там может ничего не найти. А КТО может найти?

Хм-м-м-м... а ведь этот человек плывет с ними на одном корабле. И зовут его Роджер Уэбб.

Что он знает о леди Барбаре? Что может рассказать?

С этим вопросом Дональд и отправился к Роджеру в каюту.

Роджер как раз находился в состоянии «бревна». Дональд подумал и направился к Аллену. Ему нужна будет помощь.

* * *

С похмелья жить грустно.

Роджер это ощутил в полной мере. Проснулся, похмелить-

ся дали, но мало. Сидят Дональд и Аллен, смотрят на него внимательно.

– Где леди?

– Чего? – не понял Роджер.

– Это ТЫ приехал нас приглашать. Значит, должен знать о ней немного больше. Что именно ты о ней знаешь?

Роджер соображал медленно, но достаточно неплохо. Если сейчас он расскажет все этим двоим... смогут они найти леди?

Смогут.

Но зачем тогда им нужен он?

И вообще, лучше не рисковать. Сам он к леди вернуться может. А ЭТИ ему зачем?

Конкуренты?! Злость всколыхнулась алой волной.

– Она живет в Париже. Там она меня нашла, и я поехал к вам.

Дональд и Аллен переглянулись.

– Врет, – жестко сказал Дональд.

– Подумай еще раз. – Аллен не улыбался, а скалился, словно большая голодная собака. – Хорошо подумай.

– Чего тебе думать? Я сказал, в Париже она живет!

Дональд кивнул Аллену:

– Давай...

Аллен прыгнул вперед, навалился сверху, прижал Роджера.

Дональд вытащил нож:

– Я тебе сейчас пару пальцев отрежу. А может, и что-то еще... понимаешь? Ухо, или нос, или...

Роджер задержался.

Сволочи!

Какие сволочи!!!

Он набрал в грудь воздух, чтобы закричать, но одна рука Аллена легла ему на горло.

– Придавлю!

Только вот Аллен отпустил левую руку Роджера. Он же не осьминог, одна рука держит Роджера за правую руку, вторая прижимает горло, а левая-то рука Роджера освободилась, ладонь упала вниз и вдруг нащупала горлышко бутылки.

Спасение?!

Загнанная в угол крыса кидается на всех. Роджер дернул рукой вверх, бутылка врезалась в стол – и жалобно хрупнула. В руке у Роджера осталась «розочка», которой тот и полоснул Аллена куда пришлось.

Получилось – по уху, по щеке, шее, немного и по глазу проехалось – Аллен взвыл, отшатнулся, и Роджер дернулся из кресла.

И тут Дональд пробил ему ногой по руке.

Нет, целился-то он в руку. Но Роджер как раз дернулся вперед, и удар пришелся ему в подбородок. А много ли было бедняге надо?

От сильного удара его занесло вбок – и приложило головой о край матросского сундука.

– Б...!!!

Материться умеют и на Туманном Альбионе.

Дональд только зубами скрипнул.

– Аллен!

Поздно.

Так уж неудачно получилось, розочкой-то, что та проехала и по шее. А на шее – артерия. Кровь лилась неотвратимо... только вот Аллен сразу и не сообразил. Глаз же, и лицо, и боль хлестнула, ослепила на минуту, а больше и не понадобилось¹.

Оставалось только материться.

У него два трупа. И... и никаких сведений о леди Барбаре!!!

Да что ж такое?!

И как быть с трупами? Дональд подозревал, что это подсудно... хотя... а что – это? Он пришел к Роджеру, а они тут подрались, напились, наверное... что такого?

– ПОМОГИТЕ!!!

Долго орать не пришлось. Прибежали быстро.

Дональду пару пинков отвесили, не разобравшись сразу, но... он даже не в крови! А был бы, если б в драке участвовал!

Да, похоже.

Два англичанина нажрались как свиньи, поссорились и прикончили друг друга. Бывает.

¹ Пара минут – и все. (Здесь и далее – прим. авт.)

Скинуть за борт и забыть. Разве что в журнал записать... и то не стали! К чему? Кто там считал этих пассажиров? Леди оптом оплатила, а не за каждого, вот и не мучаемся.

Так и поступили.

* * *

– Что ищем?

Брайан стоял в дверях каюты Роджера и выглядел весьма недружелюбно.

Дональд пожал плечами:

– Хотел узнать что-то про леди.

– И как?

– Ничего. – Дональд в раздражении хлопнул стопкой бумаги по столу. – Понимаешь, ничего! Ни ее имени, ни страны...

– Страны?

– Судя по акценту, она откуда-то из славянских стран. Но из каких точно? Откуда? Я не знаю...

– Я тоже. Думаешь, Роджер знал?

– Почему нет?

– Это ты его? Только честно, я к капитану не побегу, смысла нет.

Дональд покачал головой:

– Хочешь верь, хочешь не верь, это случайность. Я его рукой не тронул.

Ногой. Но это ж другое, правда? И Дональд не хотел! Оно само так получилось!

– Но ты присутствовал?

– Да. Я хотел его расспросить про леди, он единственный, кто знал – точно. Пришел с Алленом, сам понимаешь, один я бы не справился. Роджер стал ругаться, Аллен прижал его к креслу, я просто хотел его попугать. Сказал, что сейчас свяжем и ушиотрежем...

– Он поверил?

Брайан не поверил бы.

На суше – там понятно. И связали бы, и уши отрезали, но на корабле? А куда ты потом с корабля сбежишь? Все равно ж найдется кто-то, кто видел, слышал... убивать?

Можно убить. Но Брайан сильно подозревал, что Дональд не решился бы.

Жиголо и убийца – это две разные профессии, два разных характера. Вот Митчелл – мог. И убить, и в окно выкинуть, и пойти дальше абсолютно спокойно. А Дональд вряд ли, на него это не похоже.

– Поверил. Схватил бутылку, разбил, дернулся, ну и Аллену досталось. А Аллен махнул в ответ рукой, Роджера и снесло. Много ли хилаку надо?

Брайан кивнул.

Не то чтобы он до конца поверил, но... Дональд был чистым. Не испачканным в крови, это-то Брайан видел. Значит, мог и не соврать. Действительно – глупая случайность.

– Ну и ладно. Ничего пока нет?

– Нет. Рассказы есть, романы, всякая гадость, гравюры эти... но про леди ничего нет. Рисунки, кстати, есть.

Роджер пару раз рисовал леди Барбару, но... самое печальное, что художником он не был. Вот такой выверт! Сделать что-то по образцу, подделать, гравировать, напечатать... но нарисовать – не получалось. Пытался, но выходило совсем не то. Вроде и леди, а вроде и нет.

Кто ж ее знает?

Так что пару портретов мужчины пропустили со спокойной совестью. Как и большинство мужчин, они плохо умели отделять, где дама, а где краска. А бумажки типа: «леди такая-сякая, живет там и тут, родственники, друзья, знакомые» – у Роджера просто не было.

К чему? Он же и так о ней много знал, писать-то для чего? Что он – мимо Москвы промахнется?

Паспорт?

Да у него этих паспортов было шесть штук! На разные имена, фамилии и подданства, в том числе и русское, и польское, и австрийское... и что?

И ничего.

Он и леди документы сделал, и ее брату, и всем остальным, но поскольку фотографий в то время к паспортам не прилагалось, это тоже ничего мужчинам не дало.

Оставалось только ругаться.

Дональду – так особенно.

Последняя ниточка порвалась и хлестнула по нему с размаху. Да, надо будет ехать в Нью-Йорк и пробовать строить пирамиду в Америке. Там шансы есть.

А вот с леди...

Они есть, но их намного меньше. Так что...

Деньги Дональд любил больше. Америка, жди нас! Мы уже плывем!²

Правда, до Америки не доплыл еще один член команды «прохвостов».

Джеймс Берри допился до изумления и совершенно случайно свалился за борт. Но это он уже точно сам.

Остальные англичане унывать или плакать по этому поводу не собирались. Они поделили между собой деньги погибших и отправились покорять Америку.

* * *

– Спасибо, Прохор Иванович! А это – как договаривались.

Наполеон протянул пожилому мужчине манерку с самогоном. Прохор взял ее, порадовался приятной тяжести, улыбнулся.

– Обращайся, Лев Карлович.

Да-да, так Наполеона и переименовали.

Полного аналога имени русские не нашли, но раз Напо-

² Автор сознательно допускает слово «плывем» в отношении этой компании.

ЛЕОН, то Лев, а Лев – это, считай, уже и почти родное. Барское, да, так и офицерик из дворян.

Другие офицеры к нему, конечно, обращались правильно, но если нижние чины так сократили? Наполеон, который чуть-чуть уже подучил русский, против не был.

Пусть зовут.

В армию он приехал достаточно подготовленным, отставники у мадемуазель Барбары рассказали ему и как, и что... было намного проще.

И русские оказались неплохими людьми.

– Можно я еще завтра тогда зайду, Прохор Иванович?

– Заходи, Лев Карлович, посидим, поговорим...

Наполеон кивнул.

Ну, кто с самогоном посидит, а кто и не просто так. Пока Наполеон добирался до России, ему в голову пришла одна идея. И вот сейчас он возился со снарядами, пробовал и так и этак, приспособливал взрывчатку, взрыватель, заглядывал то в кузницу, то к интендантам...

А что?

Армия все равно стоит на зимних квартирах и будет покамест стоять. А ему что делать?

Вот появилась идея, как-то совершенно случайно, есть время, есть деньги, ну а повозиться со снарядами для артиллериста – это ж радость!

И леди Барбаре спасибо.

Его не только собрали как родного, ему и денег дали, и

попробовал бы он отказаться! Наташа так разревелась, когда он сказал, что не может, что сам... и леди ругалась.

Наполеон невольно улыбнулся, направляясь к своей палатке.

Его в два голоса отчитывали, что собирают как родного, а офицерское жалованье невелико, да пока еще выдадут, да он пока еще приспособится, это ведь другая страна. А если какой неожиданный расход?

Он что – хочет их обидеть? Они б так и брата собирали!

Спорить не получилось, так что Наполеон послушался и сейчас радовался. Благодаря отставникам он стал в армии практически своим. Знал, куда и за чем идти, к кому и как обратиться, кому и сколько дать... взятка?

Нет. Дружеский подарок. Ты – мне, я – тебе, слово за слово...

И благодаря деньгам постепенно получался новый тип снаряда, который Наполеон и собирался опробовать. Интересно же!

А вдруг получится что-то мощное? Новое?

Надо, кстати, написать. И леди, и Наташе. Они-то ему обе пишут, пока они в Швейцарии, но собираются еще съездить в Париж, а потом возвращаться на родину.

Хорошо бы.

Война закончится, увидеться можно будет...

Наполеон мечтал закончить войну генералом.

Конечно, понимал, где реальность, а где мечты, но... вот

приехать бы к ним, к родным уже, в генеральском мундире, показать, что не зря в него верят, не зря поддерживают!

Хотя он точно знал: даже если не получится – ему будут рады. И если его ранят, ему помогут. Не оставят, не бросят, примут какой есть.

Была у него одна семья, а теперь – две. И вторая – русская. А ведь хорошо, когда вот так, когда родные и близкие... и Наполеон еще раз коснулся письма в кармане мундира. На груди, рядом с сердцем.

Завтра с утра писать и сядет. А теперь – спать.

* * *

– Снег идет!

Екатерина Вторая смотрела в окно на снег и думала совсем о другом снеге.

– Ну, расскажи, Степан Иванович, что новенького? По американцам этим?

Действительный статский советник Шешковский принял-ся отчитываться без малейшего сомнения:

– Матушка, все, как ты приказала. Шелихов осенью отправился к себе, весной, как снег сойдет, отправятся они аж на шести кораблях, деньги выделены, и, глядя на Григория Ивановича, верю я, что он их не растратит.

Екатерина кивнула.

Есть такие люди... если ими завладела ИДЕЯ, то они всю

жизнь ей и будут служить, верно и преданно. Вот Григорий Шелихов таким и был.

АЛЯСКА!

Он бы и сам в лепешку расшибся, чтобы ее освоить, но ежели государыня приказывает, ежели из казны денег выделили и помогают...

Вернее у Екатерины слуги не будет.

Она человеку МЕЧТУ дала в руки. Крылья подарила.

Горы свернет, моря вычерпает, но пройдет! Еще и детям-внукам завещает!

Но это – он.

– Ты уж, Степан Иванович, письмецо отпиши, кому надобно, чтобы приглядели. Чтобы и дома у Григория Ивановича все было в порядке. Чинно-благоепно. Негоже это, когда такой человек для России-матушки великое дело делает, а возвращается к разграбленному очагу.

Шешковский только поклонился:

– Все сделаю, государыня-матушка.

– Вот и ладно. А в Париже что?

– А в Париже сложно, государыня. Пишут, что вроде как закрылась эта компания. Оттого среди французов вой и разорение великое... кто стреляется, кто дуэлирует до смерти, главное, нет американцев. И денег тоже нет. Слух пошел, вроде как посол наш, Симолин-то, навестил их – и все. И посол пропал, и никто его не видел с той поры, и сами американцы пропали. Кучер да лакей, которые в тот день Ивана

Матвеевича возили, в тюрьме оказались.

– Как?!

– А вот так. Месяц их там продержали, тюремщик по секрету сказал, что им заплатили, чтобы двоих мужиков подержать. Но не били их, не измывались, даже кормили нормально, и за то тоже заплачено было. Просто не выпускали никуда.

– И это – Франция! – Екатерина аж скривилась.

– Вот как их отпустили, они в посольство пришли да и в ноги кинулись. Рассказали, что посла отвезли, он в дом к американцам вошел, а потом – все. Вроде как их чем-то там напоили, и они уже в тюрьме очнулись.

Екатерина побарабанила пальцами по столу.

– Ивана Матвеевича ненароком в тюрьме нет?

– Откуда ж ему там взяться, государыня?

– А все ж отпиши в посольство... кто там сейчас?

– Новиков, государыня. Михаил Семенович.

– Вот, пусть попробует о Симолине чего разузнать. Может, и не мертв он.

Екатерина рассуждала логично.

Так-то... какая разница душегубам? Одного человека приговорить или трех? Да хоть бы и десяток, на большой дороге математику плохо знают и убитых не считают.

Но слуги-то живы!

То есть американцы напрасного душегубства не хотели.

Могли и Симолина так же куда сдать... отчего ж нет?

– Разузнаем, государыня. Сегодня же отпишу.

– Вот, уже хорошо. Ты мне скажи, кто в сети попался? Кто от американцев больше всех пострадал?

– Государыня, так самое интересное, что только благородные. Ну, может, пара миллионщиков, фабриканты, но этих намного меньше. Так уж было поставлено, что это – не для быдла. Это только для избранных, и весьма немногочисленных.

Екатерина опять задумалась.

– Как думаешь, Степанушка, мошенники это – или нет?

Степан Иванович был весьма осторожен в словах.

Что уж, с императрицей он работал давно и уважал Екатерину за острый и цепкий ум, за характер и решительность, за изворотливость, за решения, которые порой ему-то в голову не приходили. А матушка-государыня и не такое измыслить могла!

– Не смогу я точно ответить, государыня. С одной стороны, деньги ж они выплачивали в срок и честно – никто ими за год обманут не был.

– Никто?

– Ни единый человек. Деньги вкладывались, потом, в конце квартала, отдавалась прибыль. Конечно, оговорки там были, но это ж дело такое...

– Оговорки?

– Деньги должны были довести до Америки, вложить в дело, нарыть золото, реализовать его, привезти прибыль об-

ратно... именно потому прибыль только сто процентов, не триста и не пятьсот, это ж Аляска, это сложно, государыня! И пока привезешь, пока увезешь...

Екатерина задумчиво кивнула:

– Да... рассказы я все прочитала. Такое мог написать только человек, побывавший на Аляске. И все описано... как могут золото, какие деревья, какие животные... это писал человек незаурядный!³

– Кто вкладывался в начале квартала, получали прибыль в конце. Кто вкладывался после середины квартала, получили свою прибыль в конце следующего. Но – до монетки, с учетом времени. Если кто-то вкладывал драгоценности и потом хотел их забрать, их также возвращали и выплачивали прибыль, полученную от оборота.

– Их не продавали?

– Как объясняли сами американцы, их закладывали, а полученные деньги пускали в оборот. На прибыль драгоценности выкупали из залога.

– Кому закладывали?

– Неизвестно, государыня.

– Узнать.

Деньги и их путь тоже многое могут сказать о ситуации.

– Слушаюсь, государыня.

Екатерина задумчиво смотрела в окно.

³ И кто бы сомневался, что Джек Лондон именно таков? Ему не везло в жизни, но таланта там было отсыпано с лихвой. Мастер.

Американцы это или нет?

Авантюристы – или государство?

Вот как тут узнаешь?

Судя по картам... и Шелихов клянется, что они подробнее, чем те, которые есть у него! И реки там обозначены, и горы, и все остальное...⁴

Как можно нарисовать такое, если там не побывать?

В любом случае Америке она больше не доверяет. И не помогает. Даже напротив...

Парижский договор она поддержала, конечно. Но...

Нет, не доверяет она больше этой стране. Неблагодарные они. Подлые⁵.

Впрочем, это может быть и третий вариант. Американские авантюристы. Почему нет?

– Что там к Аляске примыкает? Канада?

– Да, государыня.

Канада...

Екатерина подумала еще немного.

Бывшая французская колония. Но Франция от нее сама отказалась, войны не будет. И почему бы русским над этим не задуматься? Места там много, людей мало, заселять еще и заселять.

⁴ Честно, не помню года издания, но мне попадалась книга Д. Лондона с картой в приложении. Может, кто и найдет.

⁵ Не припомню, как Америка поблагодарила Англию за вложенные время, силы и средства. И Францию. И проч. Наверное, спасибо сказали?

Почему бы и им не прирасти землями за океаном? К примеру, не колония, а протекторат? А из Канады и Аляску осваивать будет еще легче, и плыть туда можно, и есть где пристать...

Определенно, надо об этом задуматься. И не военным путем, а просто – купить их. Сейчас это не так дорого. Дать денег кому надо – так сами прибегут и умолять будут, чтобы взяли.

Но об этом она еще подумает. А пока...

– Степанушка, ты давай поработай, надобно мне точно знать, мошенники это или нет.

Степан Иванович поклонился.

– Узнаю, государыня.

– И деньги... не нашлись они?

– Нет, государыня. Особняк штурмом взяли, а денег нет. Нигде нет, в банках нет, в закладах нет, люди ж не последние, так что по Парижу розыск проводился.

– Интересно. Может, и правда – Америка? Порты проверили?

– А то как же, матушка! Ходили два судна в Америку, каждый квартал. Каждые три месяца, туда уходило, оттуда возвращалось, что возило – неизвестно, но на борт ящики поднимали исправно и разгружали – тоже.

– Сейчас?

– Ушли, государыня. Одно еще в начале октября месяца, а второе аккурат в декабре, где-то за дней пять-семь, как в

Париже *началось*.

– Американцы?

– Я, государыня, приказал послать кого...

– Вот что, – решила Екатерина. – А позови-ка ты ко мне Алексея Орлова. Чего это он просто так сидит? В самый раз по его вкусу дело!

Степан Иванович едва не перекрестился.

Ох ты ж...

Алехан Орлов, Балафре, Меченый, а если уж руку на сердце – такую сволочь не пометить бы, а повесить! И желающих много! Сам бы для дорогого дружка и веревочку намылил!

Государыня просто в точку попала. Алехан и в ТОМ деле, с самозванкой, не прогадал, и сейчас ему в самый раз будет.

Америка?

Ох, как бы она вся от такого счастья не поразбежалась. Вот уж кого бы врагу не пожелал, так это Алехана! Хотя...

Америка вроде как на другом конце света?

Отличное место для Орлова! Вот бы еще государыне надо намекнуть, чтобы она ВСЕХ Орловых туда отправила. Вдруг одного да не хватит?

Глава 2

– Мама, когда мы поедem в Париж?

– Наташа, тебе тут уже надоело?

Девочка пожала плечами:

– Нет. Тут хорошо, но скучно.

Рождество и Новый год они встретили в Швейцарии, как следует отметили новогодние праздники.

– Тебе ли жаловаться? Думаешь, не знаю, кто просит Митчелла поучить тебя работать с ножом? – беззлобно поддела Варя.

– И что?

– И ничего. Учись, дочка, себя надо уметь защитить в любой ситуации.

Самая лучшая защита – это не попадать в такие ситуации, но... вряд ли! Варя тоже не расслаблялась, зарядку делала и результаты видела. И сама бы поучиться не отказалась ножевому бою.

Они отправятся в страну, в которой скоро начнется революция. А революция – это что?

Пра-авильно, все как в известном фильме. Красные пришли – грабят, белые пришли – грабят. Простите, реквизициями занимаются. Но обе стороны и под метелку. А крестьянину хоть с голоду подыхай. Тут-то за вилы и берутся.

Скажете, в Париже будет тише?

Да ничего подобного!

Ближе к концу весны она вообще все свои проекты прикроет и затаится. Неохота ей было отдавать на разграбление свой магазин? Свою «Клеопатру»?

Перебьются пару месяцев!

А потом Варя откроет «Революционную моду», а в Париж вернется мадам Изида Марэ. Аккурат, когда король станет гражданином Капетом. Или Копытом? Как его там обозвали? Варя точно не помнила. Что ему какую-то фамилию дали – это факт, а результат все равно один – Капут.

Ну и вообще, паршиво там все было.

Варя помнила плохо, но, кажется, у короля старший сын умер, его величество в апатию впал, ну и соглашался на все и сразу.

И, кажется, там какой-то герцог был, предатель и подонок. Он короля и приговорил.

Потом король с семьей бежать пытался, не получилось, ну и результат.

Королевскую семью казнили, а их второго сына просто уморили. А может, и удавили потом. Если кто думает, что детоубийство во власти – это к варварам, так это зря. Конкурентов давили во все времена и во всех странах, и Франция в этом не оказалась лучше и порядочнее. И уморили мальчишку, ему тогда еще десяти лет не было.

Сейчас ему четыре года.

Варя вообще не знала, удастся ли ей помочь. Но хоть по-

пробовать! Только вот неизвестность выводила из себя. Историю надо было учить! Хоть подробности б знала! А то про «вив ле брюмер» она знала, а вот что такое брюмер?

Точно не брюква. Но какая это дата?

И это не о том. Это вроде когда Наполеон разогнал всю богадельню к лешьей матери! А сейчас разгонять некому. Разве что другой амбициозный герой найдется.

Ладно! Это как раз ее не слишком интересует!

Получится у нее хоть кому-то помочь, так она поможет! Нет?

Перебьется вся Франция два раза! Варя своими родными и близкими рисковать не будет даже ради целой коллекции королей. Особенно такой... бестолковой!

Вот положи руку на сердце...

Что Людовик Шестнадцатый, что Николай Второй – на редкость бесполезные типы. Стране от них пользы меньше, чем от чучела на огороде, тот хоть птиц отгоняет, урожай бережет! А эти?

Деньги на брюлики тратят?

Варя, как ни старалась, не могла припомнить великих свершений Людовика Шестнадцатого. С ее точки зрения, он был известен только перестановкой кроватей в борделе. Простите, заменой министров.

А потом пришли злые клиенты, набили ему морду и поменяли бордель-маман. А как это еще охарактеризовать?

Даша смотрела с тоской на маленьких Кешу и Ваню, ко-

которые в свои четыре года неплохо говорили и по-русски, и по-французски, и даже по-немецки лепетали.

– Так мало времени прошло, кажется, а они уже так выросли.

Варя обняла подругу и поцеловала ее в щеку.

– Подожди, Дашенька, мы тебя еще замуж выдадим, еще будет возможность детишек понянчить!

– Барыня, я ж от вас никуда.

Варя пожала плечами:

– А мы почти уже все. Вот этот год, да и уезжать надо будет. Может, чуточку от следующего захватим, да не более того. А потом будем дома жить-поживать, добра наживать. Можно будет и тебе по сторонам посмотреть, ты же молодая, у тебя еще все впереди! Замуж тебя выдадим, на свадьбе погуляем.

– Так скоро уже, барыня? Почему?

С мужчинами Варя не откровенничала, потому что вопрос: откуда знаешь, будет логичным. У мужчин вообще иначе мозги устроены. А Даше можно шепнуть по секрету.

– Дашенька, скоро в Париже нехорошее начнется. Бунтовать будут, короля сначала свергнут, а потом и вовсе убьют.

– Ох! Барыня, да как же это?!

Даша уставилась на Варвару с таким священным ужасом, что Варя едва не фыркнула. Но не обижать же девушку.

Как-как!

Как и в родной стране пару десятков лет назад. Что, Ека-

терина что-то другое сделала? Принцип-то один и тот же!
Отнять власть – и пришибить того, у кого отняли.

Ах, во Франции хотят республику?

А получили что?

То-то же!

Интересно, правда, тут кто-то болтунов разгонит пинками и пушками? Впрочем, смотреть на эту картину Варя не собиралась. Смысла нет.

Это пусть французы развлекаются, а Варя собиралась сделать кое-что другое. Нажить денег, немного поплавать в мутной водичке – и свалить из Парижа. Пусть они сами тут разбираются!

Даже с тем, что у нее сейчас есть, она уже состоятельна. Они все богаты до неприличия. Но хватит ли этого на ее проекты? А вот вопрос.

Лучше иметь запас.

– Дашенька, к тебе ведь женщины ходят. Неужели ты их разговоры не слышала? Вот к мадам Изиде много кто ходил. Я слушала, расспрашивала... ты знаешь, что короля предаст его родственник?

– Кошмар какой!

– Король его любит, его долги заплатил, между прочим, семьдесят четыре миллиона ливров, а этот подонок... впрочем, неважно. Спасти мы никого не сумеем, значит, надо просто получить свою выгоду и удрать.

– Совсем никого?

– Кого сможем, – вздохнула Варя. – Конечно, просто так мы сидеть не будем. И кому сможем помочь, тех в беде не оставим. Но не в ущерб нам всем.

– Потому мы и детей тут оставляем?

– Наташа сама не останется. А малышня... нет, я не рискну брать их с собой. Пусть поживут еще немного без нас, потом все сразу и уедем.

– Леди?

– Митчелл?

Варвара развернулась и от души улыбнулась Райту. Тот ответил робкой улыбкой.

– Леди, я бы хотел с вами посоветоваться.

– Слушаю внимательно. Дашенька, ты прости, я пока тебя оставлю. Не переживай из-за нашего разговора, поверь, рано или поздно все образуется.

Даша кивнула.

Барыне она верила. А в остальном...

Революция?

Свержение монархии?

Это ж... для Даши это было дикостью и кошмаром. Чтобы она на императрицу умышлять начала?! И о ее свержении подумала? А французы это сделать собираются!

Точно – дикари!

– Леди, ваша дочь отлично работает с ножом. У нее есть огромный плюс, левой рукой она работает так же хорошо, как и правой.

– Это важно?

– Это большая редкость, – объяснил Митчелл. Двурукый боец... и девушка! Вот где справедливость?

– Она учится с удовольствием?

– Будь она мальчиком, я бы не желал лучшего ученика, – вздохнул убийца. – Она девушка, но... я хотел бы подарить ей клинки по руке.

– Заказывайте, Митчелл, я оплачу, – кивнула Варя. – Только это должны быть клинки удобные и из хорошей стали, а не украшенные безделушки, да?

Митчелл кивнул:

– Я закажу, я знаю у кого. И могу сам оплатить...

Варя махнула рукой:

– Митчелл, не надо. Вы не обеднеете, ну так и я не обеднею.

Райт кивнул.

Самое забавное, что Варя ему выделила ту долю, которую он считал потерянной. При бегстве с корабля он взял сколько смог. Варя решила, что это неправильно, и чуточку переиграла ситуацию.

Своим людям она выделила по пять процентов каждому. Плюнула и те же пять процентов выделила Митчеллу. Авансом.

Отрабатывать придется, но... если она в таком вопросе пожлобится – не надо! И из меньшего проблемы вырастали.

А деньги...

Заработает!

Убийца, умеющий работать с холодным и огнестрельным оружием, с абсолютно спокойным отношением к любым авантюрам – это тоже ценность. Беречь надо.

Митчелл такого не ожидал, но спорить не стал. Равно как и остальные.

Барыня сказала – надо?

Значит – надо. О чем тут спорить? Их доли не пострадали, а если барыне охота свои деньги отдавать – так то ее воля, барская. Надо?

Надо!

Общие темы нашлись достаточно быстро, про оружие мужчины могли говорить часами, обсуждали качество стали, баланс, отделку... Варя понимала в лучшем случае одно слово из десяти. Но если им надо?

У каждого же свои игрушки!

Вот они с Дашей говорят про фестончики, ленточки, рюшечки, бантики... а у мужчин от этого набора глаза становятся стеклянными.

Хотя «Клеопатра» такой доход приносит!

Подражатели появились и стараются изо всех сил, но кто первый, тот и сливочки снял. Так-то!

– Закажу, леди. Главное, вы не против.

– А должна? – не поняла Варя.

– Юным леди не принято носить оружие.

Варя вздохнула.

Мудрость родного мира она помнила. Если ты идешь с молотком, то по жизни видишь одни гвозди. Наташа и так, пожив с матерью, забыла про кротость и нежность. Не получится ли так, что она рано или поздно пустит оружие в ход?

С другой стороны, и что?!

Один раз девочке уже досталось, судьба послала ей спасение в лице Наполеона (кому расскажи, Бонапарт спасает Суворочку, учитель истории в обморок бы ляпнулся, но судьба любит пошутить), но каждый-то раз на Бонапарта рассчитывать нельзя! Он вообще сейчас в России!

А у них во Франции будет революция.

Вопрос. Если Наташа кого-то прирежет во время революции – это вообще заметят?

Да, но если она будет при этом орать «Либретте, эгалите, фратерните», ее еще и похвалят. Проверено историей. Пусть режет.

Хорошего человека она точно убивать не будет, а гадом больше, гадом меньше...

Ребенок?

Варя хмыкнула, вспоминая родной мир.

Водку пить до четырнадцати нельзя. Разврат нельзя. Это правильно. Но убивать-то можно, и безнаказанно! А почему?

Кто его знает. Варя ни одного закона не писала и не собирается, так что не ей и судить.

Главное – Наташа будет в безопасности. Остальное ее волнует намного меньше.

Нельзя давать ребенку оружие?

Нельзя, если он не умеет им пользоваться. А если умеет и если на дворе революция... тьфу два раза на всех моралистов! Пусть хоть с гранатометом ходит! Целее будет!

– Митчелл, заказывайте ножи. А для меня... – Варя подумала, а потом набросала проект из родного мира.

Митчелл пожал плечами.

– Интересная штучка.

– С ножом я работать все равно не научусь, но хоть беззащитна не буду. И рукоять делайте черную, хорошо? Попроще, без всяких... красот. Что-то удобное, шершавенькое, чтобы из ладони не выскальзывало.

– Сделаю, леди.

Митчелл ухмыльнулся и удалился.

Варя вздохнула.

Может не стоит лезть в Париж?

Но... почему ей кажется, что НАДО?!

Нет ответа. Просто – надо.

Россия казалась Летиции огромной и холодной.

Но дом оказался уютным, встретили ее ласково, слуги были исполнительными и расторопными и ломаный ее русский старались понять. А коли так, то и жить можно.

Синьор Андрэ возил их несколько дней по Москве, показывая, где и что, рассказывая. Летиция смотрела, запоминала.

Пока они решили нанять для детей пару учителей, пусть русский язык осваивают, читать-писать учатся, да и сама Летиция тоже в стороне не останется. Год они проживут спокойно, а то и поболее, а там, как Андрэ и синьора Барбара вернутся, и со своим поместьем помогут.

Деньги?

Окститесь, синьора, еще Прозоровские с гостей деньги не брали!

Летиция устыдилась, пообещала себе отплатить добром за добро и успокоилась. Если приглашают, значит, могут себе это позволить.

Только вот... как же она одна тут останется?

Грегори решительно собирался в Париж.

Барыня там без него! А он же так не может! И ведь не о любви речь, о службе. О добровольной службе! Летиция даже позавидовала немного.

Такая преданность...

Впрочем, Грегори как-то рассказал их историю.

По его словам, они с Тимофеем и Федотом (ох и сложные ж имена!) служили в армии, долго служили, потом пенсия пришла, а Григорий и Федот еще и покалечены, списали их... считай, не жили – доживали. А барыня их и из нищеты вытащила, и службу дала, и деньгами не обижает, и относится уважительно, да не играет, а взаправду – за такую ее люди горой встают!

Летиция кивала. А ведь и правда, в доме синьоры Барбары не было такого, что кого-то на кухне кормили... ее люди все вместе, за столом, и синьора сама не против о ком-то позаботиться, и накормить, и поговорить...

Уважение.

Много это или мало?

Наверное, очень много, если большая часть людей на такие вещи не способна. Ни других не уважают, ни себя. Хотя и справедливость тоже в жизни редко встречается.

Жаль, что Грегори не может остаться. С ним спокойно.

Ничего.

Она подождет.

Грегори уверяет, что это ненадолго, барыня говорила – не более года. А это совсем немного. Хватит, чтобы выучить русский язык, чтобы в подданство местное перейти, чтобы оглядеться – только успевай поворачиваться!

Джузеппе тоже при деле будет, он здесь аж расцвел.

Вот ведь... слабоват ее старший сын, место главы семьи не для него, но как второй, как управляющий, – он идеален. И доволен, и счастлив, и про вино забыл. И малышам тут нравится, и Наполеоне пишет – что еще матери надо для счастья?

И Летиция мягко улыбнулась, глядя на белоснежные снега.

Красивая страна.

Гостеприимная.

* * *

– Филька! Нашел я тебе невесту!

– Невесту? – Филипп Эльмпт досадливо сморщился. – Батюшка, к чему?!

Какую-растакую невесту? Он только жить начинает, не нужна ему никакая невеста!

Иван Карлович от души приложил сына тростью пониже спины. Ну, куда дотянулся! Вырос детинушка, а ума не прибавилось.

– Представь себе, не абы кто, дочка Суворова!

– Это того самого? – не слишком заинтересовался Филипп.

– Да. Так что будь любезен – ближайшие три-четыре года чтобы ни звука, ни писка. Понял? Сашка к тебе приглядываться будет, вот, чтобы не сорвалась выгодная невеста.

Филипп сморщился еще сильнее.

Еще и приглядываться!

Он что – косой? Кривой? Тупой?

К нему еще приглядываться надо? Да он...

Получил второй раз тростью по думающему месту – успокоился.

– Отец, я же...

– Ты же. Филя, ты пойми, у нас сейчас выбора особого и нет. Императрица злопамятна, и сестры твои хорошей партии сделать не могут, и тебе я невесту не найду никак.

Ну...

Было.

Додуматься надо, Сонька и эта дура Дивова, а еще пара дураков нарисовали карикатуры... это ж надо – на государиню!

Екатерина, конечно, головы рубить не стала, но Соньку лично высекла и обеих дур от двора удалила. И сейчас Эльмпты были, мягко говоря, не в почете.

Ты-то, может, и не дурак. Но ты – брат дуры.

Ты можешь доказать, что умный?

То-то же...

А женить парня надо. И суворовская дочь тут не худший вариант. Воспитывается в Смольном, дрессировать ее там будут на совесть, к жениху она будет почтительна, и приданое за ней уже сейчас дадут хорошее. А еще – она единственный ребенок у своего отца.

Сын-то есть, но...

Суворов прошение о разводе подал. И, зная его характер, он своего добьется. Или хотя бы все оставит дочери, что тоже приятно. Филя это понял быстро, свою-то выгоду он всегда учует.

– Ну...

– Женишься, да и живи, как дальше пожелаешь. Просто пока – нишкни!

Филипп задумчиво кивнул.

Сложно ли отказаться от пьянок и гулянок? Не так чтобы очень, когда тебе гулять не на что, а приглашать особенно и не спешат. Охота ли связываться с опальной семьей?

Может, и простит императрица, а может, и ты попадешь за такое общение.

Соньке и родители добавили, да что уж теперь толку?

Нашла на кого непристойные картинки рисовать, идиотка!!!⁶

– Хорошо, отец. Я согласен.

– Вот и ладно. Пожалуй что поезжай-ка ты, как отпуск будет, в Петербург да в Смольный зайди.

– Зачем?

– С де Лафон поговори. Может, и разрешит тебе с будущей невестой увидеться? Или подарок ей какой передать...

– Зачем?

⁶ Если что, в то время эротические рисунки пользовались популярностью. И Софья – дура. Но Екатерину лично я понять могу.

Иван Карлович горестно вздохнул.

Родилась орысина, соображения что у бревна. Вид-то бра-
вый, мундир, опять же, выправка, на женщин сие завлека-
тельно действует, Филипп и улыбнуться умеет, и поглядеть
как надо, с бабами у него проблемы нет. Но ведь это – не
баба!

Это будущая жена!

Ее заранее дрессировать надо! Приучать к себе, приру-
чать, как злобную собаку.

Влюбленная дура – вдвойне управляема.

Вот и влюби ее в себя, сложно тебе, что ли?

Филипп поморщился, но правоту отца признал.

– Хорошо. Съезжу.

– Вот и ладно, – согласился отец. – Приложи усилие.

Осталось только уговорить невесту. Хотя... чего там дев-
чонку уговаривать? И так, считай, дело слажено.

* * *

– Боже, нет!

– Крепитесь, мадам, все в руках Всевышнего.

– Не верю! Просто – не верю!

Мария-Антуанетта разрыдалась и выбежала из комнаты.

Людовик Шестнадцатый посмотрел на своего личного ле-
каря:

– Вы уверены, ле Моннье?

– Да, ваше величество.

Король словно ссутулился сразу, сгорбился, почти упал в кресло. При жене он еще как-то держался, а вот сейчас...

– Господи, за что караешь?!

Сына, первенца, дофина Людовик любил безмерно. И слова доктора потрясли короля до глубины души.

Увы – приговор в те времена. Туберкулез.

Кровохарканье. Лечению не подлежит. Жить мальчику оставалось считанные месяцы.

Людовик спрятал лицо в ладони. Лекарь молчал.

А что тут скажешь? «Бог дал – Бог взял»? За такое и канделябром получить можно. И справедливо.

– Ваше величество, я сделаю все возможное и невозможное.

– Я верю вам... Оставьте меня. Идите к королеве, вы ей сейчас понадобится.

Лекарь признал правоту его величества и отправился к Марии-Антуанетте. Ложка темной, остро пахнущей настойки погрузила несчастную королеву в спасительное беспамятство. Но...

Но любое забытие рано или поздно пройдет. А болезнь останется.

Королева и так сама не своя после смерти маленькой дочери, потом она вроде как утешилась, развеялась, а сейчас вот...

Опять!!!

А Мария-Антуанетта всхлипывала во сне. И слышалось ей страшное:

– *Королева, жизнь, здоровье, сила...*

Сверкала алыми глазами золотая змея и сжимала, сжимала ее в своих ледяных металлических кольцах. И блестели каплями яда острые клыки.

Не вырваться.

Не спастись...

– *Королева, жизнь, здоровье, сила...*

* * *

Вот чего Иван Прозоровский не ожидал в родном доме, так это застать брата.

Андрей же был в имении!

Пил, пока сил хватало... Иван, честно говоря, на брата и не надеялся. Видно же, спивается Андрейка, меры не знает! Он вообще о родственниках был невысокого мнения.

Андрей – пьяница.

Варька – дрянь блудливая, да еще и тупая.

А вот сам Ваня... он может немного подождать! И стать князем Прозоровским. Это же хорошо?

Еще как!

Конечно, после смерти отца все достанется Андрею, но... это картины не меняет. Если Андрей еще женится, если решит... если кто-то за него еще и замуж выйдет! А это – вряд

ли! Так что все Ване и перейдет, когда братец допьется до могилки.

Ваня побывал в имении, понял, что вкладывать туда много, да еще и имение выкупать из заклада, и подумал, что надо искать богатую невесту. Может, не очень красивую или умную... неважно! Он не Варькин дурак, он-то свою жену в руках удержит!

Главное – хорошее приданое. А уж там...

Выкупит имение, будет потихоньку следить, чтобы оно доход приносило... надо управляющего уже сейчас подобрать, отцовский Ваню не устраивал. А брату он потом отпишет. Наверное.

Но когда Ваня прибыл в отцовский дом, его ждал неожиданный сюрприз.

– Барин Андрей дома?

– Да, барин. – Служанка присела, имитируя реверанс, и удрала куда-то.

– Ну... пойду поздороваюсь...

Иван открыл дверь кабинета. Андрей стоял у окна, к нему спиной, смотрел куда-то вдаль, а за отцовским столом сидел достаточно молодой мужчина, рядом с ним еще один, который медленно зачитывал... завещание отца?!

– Что тут происходит?!

– Ванька? Никак – ты?

Андрей развернулся от окна, и у Ваньки вырвался протестующий писк.

Это – что?!

Это вообще как?!

Свет, бьющий в спину, не скрывал главного факта – Андрей выглядел поразительно молодо и подтянуто. Куда-то исчезла и одутловатость от вина, и красная сеточка в глазах, и фигура снова стала подтянутой, а движения легкими.

Знал бы Ваня, сколько пришлось за последнее время побегать его брату, он бы не удивился. Да и вино... как его пить, когда рядом и Варя, и Наташа, и так обе смотрят – сквозь землю от стыда провалиться охота! Совесть Андрей еще не пропил, иначе б ему на письмо племянницы плевать было. А он приехал, с Варей ругался, Наташу забрать уговорил – как тут при девочке свиньей валяться в грязной луже?

Три года без вина, активная жизнь на несколько домов, поездки то туда, то сюда...

– Ты чего – удивляешься? – Выражение лица у брата было такое, что Андрей невольно рассмеялся. – Не надо.

– Н-но к-как?!

Андрей развел руками.

– Так получилось. Синьор Джузеппе, Степан Иванович, вы продолжайте, мы с братом поговорим в другом месте.

Мужчины переглянулись, кивнули – и принялись дальше разбирать бумаги. Андрей подцепил братца за локоток и вывел из кабинета.

В гостиной Ваня упал в кресло, посмотрел на графин с чем-то красным и плеснул себе. Выпил и тут же отплюнулся.

– Тьфу! Это – ЧТО?!

Красное оказалось чуть сладкой жидкостью с виноградным вкусом.

– Компот из винограда, вишни и яблок, – вздохнул Андрей. – Налей мне тоже.

– А вино где?!

– Приказать тебе принести?

– Мне?! А ты?!

– А я не пью.

– Вообще?!

У Вани от шока язык начал работать быстрее головы. Но кто бы в такое поверил?!

– Варя не одобряет, – вздохнул Андрей, вспоминая, как после первой же попытки выпить сначала его отставники в бадье с холодной водой прополоскали, а потом еще сестра битых три часа нотации читала. А нечего ребенку плохой пример подавать!

Детям!

ТРЕМ!!!

И плевать, что два еще в колыбели! Чего они нанюхаются! Кошмар!

И ведь это могло быть каждый раз! Нет, лучше – не пить!
А потом и перехотелось как-то... некогда стало.

– ВАРЯ?!

– Вань, ты чего приехал-то? – Андрей налил себе компота и пристально поглядел на брата. Не получалось у них в детстве близкой дружбы, вроде и немного – шесть лет разницы, но уж больно пакостным был Ванька. Вечно доносил на брата и сестру, кому ж такое понравится?

– Узнать, что с имением. Что с домом.

– Ничего особенного. Долги отцовские я выплатил, имение больше не в закладе. Дом отремонтируют, а имение... определим, чем там лучше заниматься, да и начнем. Я как-то не думал, что тут выращивать лучше.

– Выращивать...

У Вани концы с концами не увязывались.

– А откуда деньги?

Даже без Вариного предупреждения Андрей не стал бы раскрывать всех секретов. Перебьется братец.

– Друзья дали.

А что – нет?

И друзья, и дали, правда, не знали кому. Но это уже детали.

– А отдавать как?

– О том не твоя печаль.

Ваня подумал и зашел с другой стороны:

– Ты теперь в имении будешь жить?

– Буду. После ремонта.

– А пока?..

– У друзей поживу.

– А... это кто?

– Мои управляющие. Синьор Джузеппе Бонапарте отлично разбирается в цифрах, у него ни один грош не пропадет. А Степан Игнатьевич, в свою очередь, поможет ему с документами. Джузеппе русский язык учит, но на это надо время.

Иван только головой покачал.

– А Варька где?

– А тебе она зачем?

– В свете спрашивают, а я и не знаю, что ответить.

– Так отвечай правду, что не знаешь, – ухмыльнулся Андрей Иванович. – Вань, спасибо тебе за заботу, если помочь захочешь, буду рад. И долю наследства тебе с радостью выделю, мы же братья! Только давай сначала имение хоть как поднимем, не долгами ж делиться?

– Долю выделишь? – заинтересовался Иван.

– Ты – Прозоровский. Думаешь, не понимаю, чего ты до сих пор служишь? Но сейчас деньги есть, сможешь и землицы прикупить, и жениться на ком захочешь.

Иван застонал:

– Андрей я тебя не узнаю.

– Я и сам себя порой не узнаю. Но мне нравится, – отозвался возмутительно помолодевший и довольный брат. – Сейчас не будем мешать управляющим, потом посмотрим,

что от отца осталось, выделим тебе долю да сходим документы выправим.

– Не жалко тебе будет?

Андрей вспомнил, какая сумма у него есть, и улыбнулся еще шире.

– Ваня! Для родного брата – не жалко!

Особенно такой мелочи. Для него эти долги – не расход, а так, игрушка! Сколько они с Вариной затеи получили – еще и правнукам хватит!

– Не узнаю тебя.

– Тогда выпей компота. Помогает.

– Тьфу, – содержательно ответил Иван.

Но компота выпил.

Не помогло. Реальность отказывалась возвращаться в привычные рамки. Наверное, не то выпил.

* * *

– Вызывала, государыня-матушка?

Взгляд у Алехана по-прежнему был дерзким. Волчьим.

А что ему стесняться, если вот эту женщину он сколько уж лет знает? Да не просто так, а еще и на ощупь?

Было, многое было, чего уж теперь-то институток изображать?

Екатерина улыбнулась в ответ.

Алехана она не любила. Притворяться при нем получа-

лось плохо, а себе врать – еще хуже. Если Гришеньке (обоим) можно было рассказать про мужа-изверга, то перед Алеханом она стояла как голая. Какой там изверг?

Просто плевать вам было друг на друга. Но у него была власть, а у тебя не было. А хотелось. Вопрос стоял так: или ты ударишь первая, или когда-то избавятся от тебя. Может, не сейчас. Но – избавятся.

Екатерина стесняться не стала. Петр промедлил, дрогнул, ну и...

Неважно!

Она старательно выкидывала из головы все лишнее, и о Петре, и об Иоанне Антоновиче, только вот не под взглядом умных светлых глаз Алехана. О нет!

– Вызывала, Алешенька. Проходи, поговорить надо.

– Никак случилось чего?

Под настроение Алехан мог поиграть. Но вот именно сейчас не хотелось. Чего позвала? Проблемы какие? Так говори прямо!

Преданность Екатерине Алехан, кстати, гарантировал. Просто потому, что никто другой ему столько не даст, сколько дала она.

Никто.

– Знаю, не любитель ты, а все же почитай.

Екатерина начала с одного из рассказов.

Алехан послушно взял листок, пробежал глазами, сощурился хищно.

– Это где ж такое, матушка? Кто рассказал?

Екатерина кивнула, словно в задумчивости. Вот именно. Алехан именно то слово употребил. *Рассказал*. Не сочинил, а записал услышанное или увиденное.

– Думаешь, то на самом деле было?

– Кажется мне так, матушка.

– Тут такого много. – Рука Екатерины легла на стопку листов, ей из Парижа прислали все, что нашли. – Я для тебя приказала копии сделать.

– Благодарствую, матушка.

Что-то такое в этом рассказе было. Словно влетел во дворец ледяной северный ветер, коснулся крылом, бросил в лицо горсть снега и донесся издали горестный волчий вой...

Давно забытое ощущение.

– А теперь и всю историю послушай.

Слушал Алехан спокойно.

– Думаешь, не мошенники, матушка?

– Не знаю я, что думать, Алешенька. И неглупые люди им доверились, и деньги они выплачивали в срок, и вот ЭТО... не написать такое, не побывав ТАМ! Вот и хочу, чтобы ты посмотрел, свое мнение составил да ко мне и пришел.

Алехан послушно сгреб листки, поклонился и пошел.

Читать.

Интересно же! Сейчас так не пишут, а ему интересно!

– Руби мне голову, матушка, но что-то там есть. Неспроста это.

Пару дней спустя Алехан опять стоял перед Екатериной. И глаза у него были уже чуточку другими.

Потянул старого волка северный зов, поманил за собой... словно пение стаи разнеслось под сводами графского дворца.

– Не пишут у нас такого-то, матушка. И слишком это... жизнь!

Екатерина кивнула:

– Вот и мне так кажется. Неспроста это. О живых людях, о настоящем... не Ариадны и Дафны с Орестами да Пилатами, а живое, настоящее, только вот руку протяни...

– Кто-то и протянул?

– Сам ты все понимаешь, Алешенька. Мне бы знать надобно, кто за тем стоит. Понятно, Аляску никому мы не отдадим, сами освоим, но когда такое... беспорядок сие!

Алехан задумчиво кивнул:

– Похоже, государыня. А от меня ты какой службы ждешь?

– Люди эти из Парижа вроде как в Америку отплыли. Вот когда б тебе вздумалось туда сходить да разузнать: что, да кто, да как... а может, кого надо и сюда привезти?

Алехан усмехнулся:

– Пожалуй что, матушка. Дашь дозволение?

– И дозволение дам, и корабли, и денег выделю. Самой интересно!

– А когда это мошенники окажутся?

– А ты найди, Алешенька, да расспроси ласково, ты умеешь. Чай я, тебе все расскажут, даже то, что раньше и не знали. Когда то взаправду, мне знать надо, кто это затеял да кто прибыль получил, с кого спрашивать за наглость! А когда мошенники, им, понятно, поделом, а мне, ты уж будь другом, привези того, кто рассказы эти написал. Талантливый же человек!

– И то, государыня. Все узнаю, будь покойна.

– Когда ты за это дело возьмешься, Алешенька, буду.

Алешенька и взялся. Все ж интереснее, чем в имении сидеть! Вон, Гришка помер, Федьке кроме хозяйства не надо ничего, Ванька пьет, Вовка... ну, младший он и есть младший. Взять, что ли, кого с собой?

Федька пусть о детях заботится, а вот Вовку пожалуй что и можно! Пусть мир посмотрит!

Глава 3

Мария-Антуанетта не была душой.

Взбалмошная, легкомысленная, капризная, не слишком развитая эмоционально – это все было. Ну не умела она сопереживать и сострадать! Кого не били, у того и не болит!

И осознавать, как ее поступки выглядят в глазах других людей, – тоже.

Ей деревенька, а крестьянам хуже пощечины. Она играет в шелках, а им детей кормить нечем!⁷

Но глупой она не была. Ум у нее был и решительности хватало, главное, не забыть, что решила. Да куда уж тут забудешь, если любимый сын, первенец, кровиночка...

Луи Гийому королева верила.

Успела убедиться.

Ле Моннье уже два года, даже чуть больше, был личным лекарем их величеств, и небезосновательно.

Королева проснулась, когда уже наступил полдень, и лежала в кровати. Смотрела в потолок.

В комнату просунулась фрейлина, Мария-Антуанетта швырнула в нее подушкой, и та исчезла. Вот сейчас королеве ни с кем не хотелось разговаривать.

У нее включился и заработал на полную материнский ин-

⁷ Про потемкинские деревни пишут. Про Версальскую – не? Как коронованная мадам решила в деревенскую жизнь поиграть. Крестьян, вообще, понять можно.

стинкт.

У нее остается двое детей. И если то, что сказала странная женщина, правда, то...

Да. Все плохо.

О дочери можно не волноваться, гадалка сказала, что та останется в живых. А вот сына убьют. Наверняка мальчика в живых не оставят... у него же будут все права на трон. Да-да, и историю Мария-Антуанетта тоже отлично знала. Просто Карлу Второму повезло, что его не было в Англии. Кромвель и его бы не помиловал, и возраст не остановил бы.

Что может сделать Мария-Антуанетта?

Плохо то, что она не знает, КОГДА надо делать. Да, гадалка предсказала, что все будет плохо. Но – когда?

В этом году?

В следующем?

Лучшим вариантом было бы незадолго до событий отправить сына в Австрию, к примеру. Там до него еще поди доберись! Но...

Его же там не продержишь пять лет! И года-то не продержишь! И муж не согласится!

Мария-Антуанетта едва не зарычала от досады. Вылезла из кровати, подошла к комоду с завитушками и позолотой и решительно открыла нижний ящик. Там, в грудe всякого мелкого хлама, от которого и королевы страдают, лежал – ОН. Тяжелый золотой браслет в форме кобры с алыми глазами. Мария-Антуанетта забралась в кровать, приложила его

ко лбу.

Холод металла успокаивал.

Вспоминаем, вспоминаем...

Бастилия рухнет. Ну, допустим. И потом их убьют.

Страшно...

Вопрос в другом. Сразу их убьют – или нет?

И... она говорила – народ ликует.

За что?! Боже, за что?! Она же ничего такого не делала, ее совесть чиста... нет, сейчас не надо об этом! Сейчас надо о том, как спасти детей!

Итак, если такой момент наступит, им надо будет бежать. Чем скорее, тем лучше.

Мария-Антуанетта перебирала в уме, к кому она может обратиться. С кем может посоветоваться?

И наконец махнула рукой, приказала позвать к себе принцессу де Ламбаль.

* * *

Мария не заставила себя ждать, вошла, поклонилась, королева махнула ей рукой:

– Прекрати. Сядь. Не туда, рядом со мной, на кровать.

Королевская спальня – большая. Но при желании подслушать можно везде. Впрочем, если сидеть рядом на кровати, а лучше влезть под одеяло, и накрыться им с головой, и задернуть балдахин, и шептаться – будет намного лучше. А что и

кто подумает... не их это дело – о королеве думать!

– Ты знаешь про моего сына.

Не спрашивала, утверждала.

Мария-Тереза кивнула:

– Знаю. Все уже знают. Король приказал вас не беспокоить, дорогая мадам.

– Помнишь эту вещицу?

Браслет Мария-Тереза еще как помнила.

– Гадалка...

– Я не говорила тебе, что она мне предсказала, я говорила об этом только с мужем.

– Да, моя королева.

– Слушай.

Память у Марии-Антуанетты была не идеальной, но пересказала она все достаточно четко.

Мария-Тереза задумалась.

– Единственное, что мне приходит на ум, – бунт? Как Кромвель?

– Ты помнишь, чем это кончилось для Карла?

– Да.

– Со мной могут хоть что сделать, но детей я обязана спасти. Хотя бы сына...

– Дочь?

– Гадалка сказала, что мою дочь не тронут. Но если получится, то и ее, да... мало ли что? Доверять ребенка озверевшей черни? Никогда!

Принцесса задумалась:

– Нам... нам нужен верный человек. Дорогая мадам, если вы мне доверяете...

– Если я с тобой разговариваю об ЭТОМ?

– Вы позволите говорить прямо?

– Да.

– Дорогая мадам, после разговора с гадалкой... вы же знаете, что она мне предсказала. Если я не выйду замуж, не уеду... я – не уеду. Но тогда на меня, именно на меня – полагаться нельзя.

– Почему?

– Меня убьют, дорогая мадам. Нам нужен кто-то еще, чтобы остался в живых, чтобы смог увезти детей... и да простит меня ваше величество, но королю об этом знать нельзя. Просто – нельзя. Он...

Мария-Антуанетта сверкнула глазами. Жаль – под одеялом видно не было.

– Говори, наконец! Клянусь – не обижусь, не скажу ни слова!

– Он слишком добрый и мягкий. И легко поддается влиянию. Вспомните, как легко им вертит Луи-Филипп! Он может опять засомневаться, когда надо будет бежать...

Мария-Антуанетта задумалась:

– Ты права, Мария. Ты полностью права. Но – кто?

– Нет, не так, дорогая мадам. Давайте для начала подумаем о другом. Куда бежать с детьми, а потом уже – кто?

– В Австрию, конечно. А кто... Ферзен.

– Хм-м... почему бы и нет, дорогая мадам? Он вас любит...

Мария-Антуанетта пожала плечами.

Вот уж это и для нее новостью не было. У нее даже и было кое-что с симпатичным мужчиной. Ну и что? Мало ли, кто ее любит? Если говорить о той любви, которая зажигает сердце, о любви, ради которой сворачивают скалы, – ее Мария-Антуанетта еще не испытывала. Она позволяла себя любить, отвечала на чувства других, а вот сама загореться не могла. То ли не дано, то ли не те огни – кто знает?

– Не уверена...

– Он неглуп, он не боится крови, он был на войне, он любит вас, он может увезти детей равно и к вам, и в Швецию... он – надежный, ваше величество.

Есть такое. Мария-Тереза к мужчинам приглядывалась, особенно к иностранцам. Кому ж умирать захочется? И к графу тоже – было. Но граф и правда любил королеву⁸.

– Самое главное – на него сразу не подумают.

А вот это было верно. И Мария-Антуанетта согласно кивнула:

– Что ж. И еще – его уже признали моим любовником. Луи не встревожится, никто не удивится.

– И это важно, дорогая мадам.

⁸ Почитайте переписку графа с королевой. И про самого графа. Почему-то мне кажется, что он королеву любил – до самой ЕГО смерти.

Решение было принято.

* * *

– Андрей, и тебе не жалко?

По просьбе Андрея на Ивана переписали вполне себе приличное имение, плюс Андрей выделил ему крупную сумму. Да что там!

Пятьдесят тысяч рублей!

На это Ваня много чего купить может!

Единственная оговорка – Андрей указал, чтобы было потрачено только на покупку. Земель, домов, крестьян... короче – не прогулять и не проиграть.

Иван и не собирался, но все равно.

Он же не дурак, дураки в генералы не выходят! Он видел, нет в действиях Андрея ничего такого... он не давит, не настаивает, он пусть неуклюже, но пытается позаботиться! И... что-то странное зарождалось у Ивана.

Сейчас он свободен!

Понимаете – свободен!

Может уйти со службы и заняться сельским хозяйством, как ему хотелось!

Может жениться на той, которая ему понравится!

Может... да что угодно может!

Брат ему просто так – берет и дарит целый мир. И... сестра?

Андрей о Варe так рассказывает – у него глаза горят! Но это ж Варька, дура блудливая.

Или нет?

Или – как?!

Иван ничего не понимал. Словно сложил он себе картину мира, как витраж из цветного стекла, и тут через него что-то громадное проносится, и сидит он на полу, в окружении цветных стекол, и вот это самое, оно, к примеру, летающая корова. И к чему все приткнуть, и как в этом жить?

Непонятно!

– Андрей, а ты сейчас... чем займешься?

– По делам уеду.

Не то чтобы Андрей не доверял брату, но... но кто знает?

– Не расскажешь?

– Прости, Ваня, это не моя тайна.

Иван соорудил сложную гримасу. С одной стороны – интересно. С другой... и так много получил. Хочется, конечно, еще больше, но как-то так, чтобы без риска.

– Варю увидишь?

– Да.

– Поклон ей от меня передавай. Не знаю уж, что она с мужем решит, авось и сложится что-то у них?

– Варя сказала, что сейчас не ко времени. Война закончится, думаю, встретятся, да сами и разберутся. Чай, люди взрослые.

– Все же... Варя...

Андрей махнул рукой, отметая все сомнения брата.

– Я в это не полезу, и ты не лезь, а то с двух сторон и достанется.

Иван и спорить не стал.

– Надеюсь, когда ты вернешься, мы с тобой посидим, выпьем, поговорим...

– Исключительно за чашкой компота. Или сбитня. Или чего-то подобного, – уточнил Андрей.

– Ради такого случая – прикажу повару. Хотя как можно отказываться от вина?

– Можно. Если рядом дети – им нельзя подавать дурной пример. А я как выпью... сам знаешь.

– Дети... да. Как там Варькин сын?

– Жив и здоров.

– Она так и не созналась, кто отец?

– Отец – Александр. И не советую говорить иного.

– Но он сам...

– Ваня. Не лезь.

Иван внял – и махнул рукой. Подумаешь, сестра! Да и шут с ней!

Расставались братья почти дружески. Да что – почти? Они так с детства не дружили.

Ивану, конечно, жутко любопытно было, но... ему еще на службу вернуться, а там можно потихоньку и невесту приглядеть, и поместье, и в отставку попроситься... столько дел впереди!

Руки чесались! Ах, как же интересно!

Ничего!

Год – он подождет.

* * *

Судьба, толкнувшая под картечь Наполеона отряд турецких янычар, решила и впредь не оставлять его своим вниманием.

Хочешь расти в чинах и званиях?

Расти! Не стесняйся!

Вот тебе генерал Дерфельден, а вот тебе и речка Серет.

И Якуб-ага, которого – ага! Надо разбить!

Боевые действия начались рано, еще снег стоял, и Наполеон добрым словом вспоминал своих друзей, которые не только снабдили его всем необходимым, но и еще позаботились прислать теплые вещи. Корсиканцу было холодно в этой огромной стране. А еще место такое... зима сырая, влажная, а в такую погоду холод вдвойне пробирает.

Андрэ Прозоровский, получив его письмо, еще в том году, не поленился, и у Наполеона были и местный теплый балахон под названием «тулуп», теплый и уютный, и странные валяные из войлока сапоги «ва-лен-ки», в которых ногам тепло и уютно, и это уж не говоря о множестве вязанных из теплой серой шерсти вещей. Пух, конечно, раздражал, но Наполеон быстро оценил удобство и тепло и привык поддевать и вяза-

ную фуфайку, и такие же вязанные кальсоны... холодно же! Это не Франция!

С другой стороны, стояние на зимних квартирах Наполеон использовал с пользой для себя.

Конечно, никто не доверил бы молодому капитану артиллерийскую батарею, но у Наполеона был свой интерес.

Он не знал, получится или нет, но... зима же!

Чем занимаются на зимних квартирах? Так-то кто чем, а вот юный капитан решил за свой счет попробовать сделать новый снаряд. Деньги были, желание было, а кузнец и сам увлекся.

Взяли они маленькую трехфунтовую пушечку, откатали подальше, туда, где никого и ничего не могли задеть, Наполеон лично к генералу пошел.

Дерфельден махнул рукой да и разрешил! Чем бы человек ни тешился... все ж лучше, чем пьянки, карты или бабы! Ясно, что ничего гениального он не изобретет, но – пусть!

А дело-то двигалось.

Сначала была проблема подобрать нужный заряд пороха, и трубку вышибало не сразу, и разлет получался не очень...

К весне лично Наполеон был доволен.

Поди выпали таким! Света враги не взвидят!

Показать генералу?

Э, нет!

Капитану было интереснее предъявить результат, а не процесс. Вот посмотрим, как себя в бою покажет, а там уж

и говорить будет о чем!

Разве нет?

Генерал-майор Федор Федорович Берхман, командующий полевой артиллерией, старания капитана видел. Да и так Бонапарта одобрял. Где глаза закроет на шум и взрывы, где в другую сторону посмотрит, не о пьянках же речь! О деле!

Наполеон – военный хороший, подтянутый, ловкий, с орудиями возится, в морду нижним чинам просто так не тычет, чего-то добивается, проверяет и пушки, и лафеты... ну и пусть возится! На войне, поди, за леность кровью платят, просто не все это понимают.

Так зима и прошла, за интересным делом и опытами. А весной и пора проверки наступила.

Началось еще в марте, зашевелились турки, но австрийцы по-прежнему воевать не торопились.

Им бы так сделать, чтобы русские воевали и кровью платили, а победы и земли австрийцам достались!

Турки тем временем атаковали передовые войска подполковника Требинского, которые стояли между Прутом и Серетом, вплоть до Бырлада. Якуб-ага собрал войска до двадцати тысяч и двинул вперед.

Требинский вынужден был отступить, и турки разграбили монастырь Адама, порубили монахов, осквернили древние стены. Румянцев, узнав об этом, отдал приказание Дерфельдену, и тот решил выделить отряд для помощи Требинскому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.